

1564–1616

«Человеческая жизнь основана на лжи и насилии; [она] походит на бессмысленный... балаган; плохие актеры разыгрывают бесконечную кровавую драму. [Гамлет] — носитель нравственного характера — проходит через жизнь в героической чистоте и доблести; но его личность несоизмерима с жизнью, которая дурачит его и губит».

Вяч. Иванов

классика
В
кармане

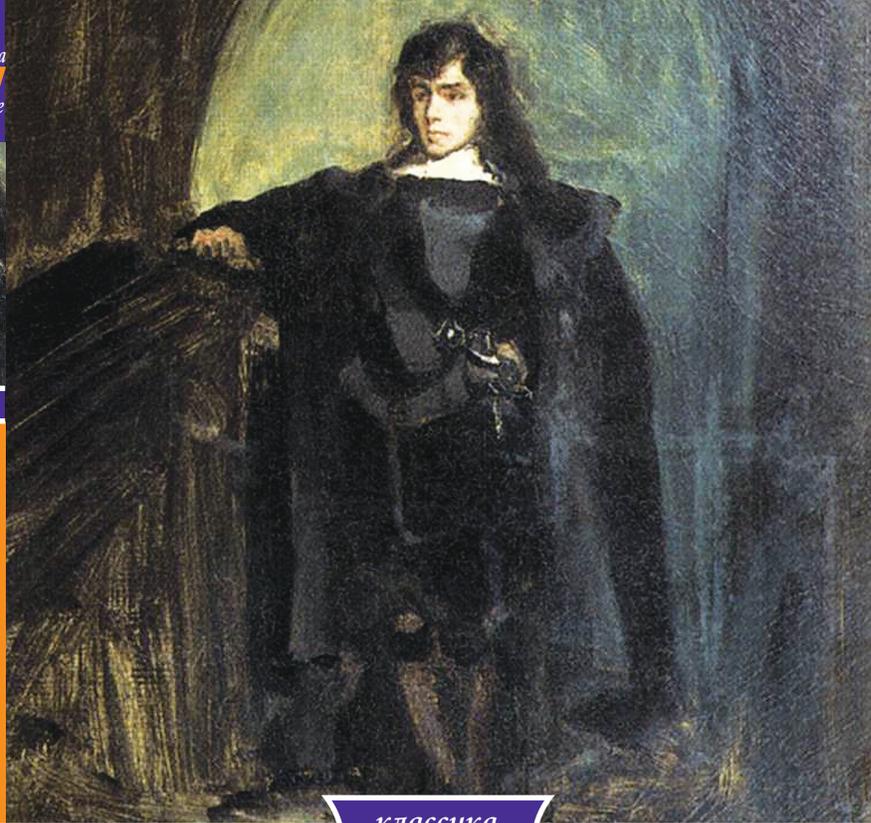
классика в кармане

У. ШЕКСПИР

классика
в кармане

Гамлет

У. ШЕКСПИР

классика
в кармане

«Шекспира читать нельзя. Чувствуешь себя блохой».

В. Шкловский

«У Шекспира... нет роли, более насыщенной, чем Гамлет...
Не один Шекспир, а по крайнему счету четыре Шекспира вложили в эту роль самые заветные сбережения: философ — сомнения... поэт — мечту, драматург — интересные сцепления ситуаций и, наконец, автор — индивидуальность, темперамент».

И. Анненский

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Гамлет

У. ШЕКСПИР

Гамлет

*классика
в кармане*

У. ШЕКСПИР

Гамлет

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4)
Ш41

Проект Д. Е. Веселова

Вступительная статья *М. Н. Розанова*

Текст и комментарии печатаются по изданиям:

Шекспир В. Полное собрание сочинений :
В 4 т. — Киев — СПб. — Харьков, 1902. — Т. 1
Шекспир В. Полное собрание сочинений /
под ред. С. А. Венгерова. — СПб., 1903. — Т. 3

Переводчик *П. П. Гнедич*

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Эжена Делакруа «Автопортрет как Равенсвуд»,
Корнелиса Янсена «Портрет У. Шекспира»

Иллюстрации М. Стона, Д. Мэклайза, Б. Уэста, литография Н. Кадушина

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

ШЕКСПИР Уильям Гамлет

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залтаева*

Подписано в печать 01.10.2012. Формат 76x100/32.

Усл. печ. л. 8,44. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© Nemiro Ltd, 2012

© ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москва АО», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)

ISBN 978-5-88353-494-1 (БММ)

ISBN 978-966-14-4619-8 (КСД)

© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

Гамлет

I

Ни одно из произведений Шекспира не пользовалось неизменно такой широкой популярностью, ни одно не вызывало такого всеобщего удивления и восторгов, ни одно не произвело такого громадного влияния на европейскую литературу, как «Гамлет». Тонкий и необыкновенно чуткий ценитель шекспировского творчества Белинский называл эту трагедию «блистательным алмазом в лучезарной короне царя драматических поэтов, увенчанного целым человечеством». Гениальная глубина мысли, безгранично широкий захват величайших вопросов человеческого существования, проникновенный психологический анализ и, наконец, художественное совершенство целого обеспечивают «Гамлету» выдающееся положение среди драгоценнейших творений всемирной литературы. Перешагнув рамки шекспировского времени и национальности, герой этой бессмертной трагедии давно сделался, наряду с Дон Кихотом, Фаустом и немногими другими гениальными созданиями поэтического творчества, одним из мировых, общечеловеческих типов, имеющих универсальное и вековечное значение.

Первое издание «Гамлета», в формате in-quarto, вышло в Лондоне в 1603 году под заглавием: «Трагическая история Гамлета, принца Датского. Сочинение Вильяма Шекспира. В том виде, как она была несколько раз представлена актерами Его Величества в Лондоне, а также в университетах Кембриджском, Оксфордском и в других местах». В следующем 1604 году «Гамлет» появился уже вторым изданием, также in-quarto, но уже в новой, более обширной редакции, сделанной, очевидно, самим поэтом, и, сообразно с этим, под измененным заглавием: «Трагическая история Гамлета, принца Датского. Сочинение Вильяма Шекспира. Вновь напечатанная и увеличенная почти вдвое против прежнего по подлинной и полной рукописи». Только в этом втором издании трагедия приняла тот окончательный вид, под которым она завоевала себе всемирную славу.

Что касается времени написания «Гамлета», то единственную достоверную дату мы имеем в т. н. «издательских реестрах», в которых 26 июля 1602 года отмечена «Книга, озаглавленная “Мщение Гамлета, принца Датского”, в том виде, как она недавно была представлена труппою лорда-камергера». Это была та самая труппа, к которой принадлежал Шекспир. В 1603 году она была переименована в труппу «королевских актеров», вследствие чего в первом издании in-quarto сказано, что пьеса была представлена «актерами Его Величества». Таким образом, «Гамлет» был написан не позже 1602 года.

II

Мотив мщения за смерть отца встречается еще в сагах древности. Известен греческий миф об Оресте, драматически обработанный Эсхилом и Софоклом. Орест, как и Гамлет, должен мстить убийце своего отца, женившемуся на его матери. Мотив мщения за смерть близких родственников узурпатору престола играет существенную роль и в римской саге о Бруте, в которой говорится уже и о притворном сумасшествии в целях исполнения мести.

Не без влияния этих классических сказаний образовалась средневековая скандинавская легенда об Амлете, рассказанная в латинской хронике датского летописца XII века Саксона Грамматика. Легенда эта и дала Шекспиру фабулу его знаменитой трагедии.

Датский король Рорик, как повествует легенда, сделал наместниками Ютландии двух родных братьев — Горвендилла и Фенгона. Горвендилл вскоре отличился в морских набегах и битвах, которые прославили и обогатили его. Победив в единоборстве норвежского короля Коллера и захватив богатую добычу, Горвендилл вошел в такую честь у своего короля Рорика, что тот выдал за него замуж свою дочь Геруту. От этого брака и родился сын Амлет, герой сказания. Счастье, выпавшее на долю Горвендилла, возбудило сильнейшую зависть в Фенгоне, который затаил в душе мысль убить брата и сделаться единоличным правителем Ютландии. Выждав удобный момент, Фенгон предательски умертвил Горвендилла под тем предлогом, будто он посягал на жизнь своей жены. Простодушная Герута поверила и вышла замуж за мнимого спасителя.

Но юный Амлет знал истину и затаил в душе месть. Чтобы обезопасить себя от подозрительности преступного дяди-отчима и найти способ к исполнению замысла, Амлет стал прикидываться слабоумным. С этих пор он ходил обыкновенно в грязной и изорванной одежде, бормотал бессвязные с виду слова, в которых, однако, таился глубокий смысл. Иногда, сидя у очага, он строгал крючки из дерева и обжигал их на огне. Когда его спрашивали, что он делает, Амлет отвечал, что готовит орудие для мщения за отца. Многие смеялись над ним, но у Фенгона явилось подозрение, что безумие Амлета притворное. Чтобы испытать его, Фенгон приказал свести Амлета в лесу с красивой девушкой, которую он любил с детства. Подосланные шпионы должны были наблюдать за его поведением. Однако Амлет, вовремя предупрежденный своим молочным братом о готовящейся ему ловушке, расстроил все планы своих шпионов. Тогда «один из друзей Фенгона» предложил устроить свидание Амлета с матерью и вызвался подслушать их разговор. Но и эта попытка разоблачить Амлета не удалась. Подозревая новую западню, он вел себя в комнате матери как безумный и, заметив под циновкой спрятавшегося придворного, убил его, разрубил тело на куски и выбросил на съедение свиньям. Вернувшись к матери, он открыл тайну своего притворства и пламенной речью так на нее подействовал, что она покаялась в своем поступке и обещала помогать сыну в мести за отца.

После того Фенгон придумал третье средство избавиться от Амлета: он послал его в Англию в сопровождении двух слуг, которые везли к английскому королю письмо (руны) с просьбой умертвить Амлета немедленно по высадке на берег. Но во время их сна Амлет подменил это письмо другим, в котором от имени Фенгона требовал казни своих спутников. Таким образом в Англии они попали на виселицу, а Амлет так понравился своим умом английскому королю, что тот выдал за него свою дочь.

Ровно через год Амлет вернулся в Ютландию в самый тот день, когда, по уговору с матерью, были устроены поминки по нему. Когда пировавшие гости захмелели и заснули, Амлет накинул на них сеть, которую укрепил приготовленными ранее крючками, и поджег залу, затем бросился в спальню Фенгона, которого и убил его же собственным мечом. Собрав народ, он сообщил обо всем происшедшем и был провозглашен королем.

Амлет долго и счастливо царствовал, пока не погиб в битве с преемником короля Рорика — Виглетом.

Такова сага о Гамлете в своем первоначальном виде. В XVII веке бесхитростный рассказ Саксона Грамматика был переработан на французском языке историографом Карла IX Франсуа де Бельфоре в его сочинении «Трагические истории» (1564). С французского текста был сделан, в свою очередь, английский перевод, который появился в печати под заглавием «История Гамлета» (1608). Рассказ Бельфоре в подлиннике или английском переводе послужил Шекспиру источником для его трагедии.

При изучении источников шекспировских пьес исследователя почти всегда поражает, из какого ничтожного материала создавал Шекспир свои драмы. Но нигде, по-видимому, пропасть, отделяющая сырой материал от художественного произведения, не глубока так, как в «Гамлете». Легенда дала ему только фабулу, тот внешний механизм, которым движется действие трагедии; вся же внутренняя сторона трагедии — весь ее дух, весь драматический интерес, вся глубина мысли, вся тонкость психологического анализа — принадлежит исключительно самому поэту, гениальному порыву его творческого ума.

В легенде рассказ приурочивается к полумифической, дохристианской эпохе истории Дании, всецело еще носящей на себе печать варварской грубости и жестокости. Шекспир перенес действие в более позднюю и более образованную эпоху. Изображенная здесь придворная среда отличается хотя и поверхностной, но утонченной культурой. Ее молодежь получает внешний лоск в Париже; многие юноши, как и сам Гамлет, выносят из германских университетов философское образование.

Действующие лица, смутно и бледно обрисованные в рассказе Бельфоре, приобретают у Шекспира плоть и кровь. Фенгон и Герута из легенды совершенно преобразовываются в трагедии в образах короля Клавдия и королевы Гертруды. Упоминание в саге о придворном, который подслушивал разговор Амлета с матерью, дало Шекспиру повод создать великолепный тип болтливого царедворца Полония. Красивая девушка, послужившая в саге первым орудием для испытания Гамлета, превратилась в руках драматурга в поэтически нежный и обаятельный образ несчастной Офелии. Молочный брат Гамлета, предупреждающий его о поставленной ему ловушке, вылился в симпатичный характер стойкого и уравновешенного Горацио,

единственного друга и сообщника героя трагедии, а два безумных спутника Амлета в Англию сделались всегда неразлучными, низкопоклонными придворными Гильденстерном и Розенкранцем. Для характеристики придворной среды поэт создал также роль придворного шаркуна Осрика, который, по меткому выражению Гамлета, «и за грудь матери не принимался без комплиментов».

Коренному изменению подвергся у Шекспира сам герой сказания. Действительно, Амлет из легенды и шекспировский Гамлет — две совершенно разные личности. На место полуварварского героя саги в трагедии является тип новейшей эпохи, захватывающий глубочайшие интересы современного человечества; грубого и жестокого мстителя заменяет человек с нежной духовной организацией, с тонко развитым чувством. Шекспир перенес центр тяжести вовнутрь человеческой души и построил трагедию на особенностях натуры Гамлета, на складе его ума, мирозерцания и темперамента.

III

Легенда об Амлете могла тем легче подвергнуться драматической обработке, что современная действительность давала Шекспиру возможность наблюдать семейные трагедии вроде той, о которой повествует рассказ Саксона Грамматика.

Грех Гертруды был также на душе шотландской королевы Марии Стюарт, которая, влюбившись в лорда Ботвелла, умертвила в сообщничестве с ним своего мужа — короля Дарнли, взорвала на воздух его замок для сокрытия следов преступления и затем обвенчалась со своим возлюбленным. Нечто подобное случилось в семье графа Эссекса. Графиня Эссекс сошлась с Лейстером еще при жизни своего мужа, которого вскоре постигла загадочная смерть. Народная молва утверждала, что он был отравлен Лейстером. Ходили слухи, что на смертном одре Эссекс сказал сыну, что он погибает жертвою гнусного замысла, и послал прощение жене. Едва он успел закрыть глаза, как вдова его обвенчалась с Лейстером. Семейное положение молодого Роберта Эссекса после этого поразительно напоминает положение Гамлета. Подобно Клавдию, Лейстер, оказывая наружно заботливость о молодом человеке, побаивался его и старался под разными предлогами держать его подалеже от себя.

В английской критике очень распространено мнение, нашедшее отголосок и в Германии, что юный Роберт Эссекс послужил Шекспиру прототипом для его Гамлета. Действительно, Эссекс напоминает Гамлета не только обстоятельствами семейной жизни, но также и многими чертами характера и в особенности склонностью к меланхолии и мечтательности и разочарованием в жизни. Чисто гамлетовскими темами полны его письма к сестре, леди Рич. В одном из них он выражается так: «Меланхолия и веселость владеют мною попеременно; иногда чувствую себя счастливым, но чаще я угрюм. Время, в которое мы живем, непостоянное женщины, плачевнее старости; оно производит и людей подобных себе: так сказать, деспотических, изменчивых, несчастных. О себе скажу, что я без гордости встретил бы всякое счастье, так как оно было бы простою игрою случая, и я несколько не упал бы духом ни при каком несчастье, которое поразило бы меня, ибо я убежден, что всякая участь хороша или дурна смотря по тому, за что мы сами ее принимаем». Последняя мысль, как известно, почти буквально повторяется Гамлетом (II, 2). В других письмах Эссекса проглядывает то же недовольство людьми и собою, то же убеждение в ничтожности и пустоте жизни, то же утомление ею, как у шекспировского героя.

Смешно, однако, считать Гамлета простым сколком с Эссекса, его точным воспроизведением. Как и всякий истинный поэт, Шекспир изображал не портреты отдельных людей, но типы, которые объединяют в себе известные черты, разбросанные во многих личностях. Эссекс не был, конечно, оригиналом Гамлета, обусловившим создание бессмертного типа: он был лишь одним из современников, в которых Шекспир мог наблюдать то своеобразное душевное настроение, которое он воплотил в Гамлете. Но указание на Эссекса важно в том отношении, что этим доказывается существование людей гамлетовского склада в Англии начала XVII века. Распространенное мнение, будто Шекспир, с чутким ясновидением гениального поэта, нарисовал в Гамлете тип, неизвестный в ту эпоху, тип будущего, появившийся только два столетия спустя, — не выдерживает критики. Гамлет прежде всего — тип шекспировского времени, тип великой, цветущей и полной контрастов эпохи Возрождения. Не пророческий дар проявил в его создании Шекспир, а удивительную чуткость к умственным течениям среди современников, к различным оттенкам их нравственного склада. Богатая галерея превосходных

типов эпохи Возрождения, нарисованных волшебной кистью гениального драматурга, была бы неполной, если бы в ней не нашел себе места представитель умственной аристократии того времени, которая, не ослепляясь внешним блеском, мощью и сказочным великолепием Возрождения, тщетно искала удовлетворения своему высокому идеализму, своим благороднейшим порывам.

IV

Замечая гамлетовские черты в некоторых представителях современного общества, Шекспир далеко не был бесстрастным, объективным наблюдателем этого явления: он сам в собственном сердце пережил разочарование Гамлета в жизни, плакал его слезами о разбитых идеалах, перечувствовал в самом себе все муки мысли, бессильной перед загадкой человеческого существования. Нельзя сомневаться в том, что в «Гамлете» много элементов автобиографических, субъективных. Недаром же Шекспир так долго и тщательно работал над этой трагедией, недаром именем датского принца назвал своего единственного сына (умершего в 1596 году), недаром в уста Гамлета влагает он свои задушевные убеждения о задачах драматического творчества и сценического исполнения.

В эпоху создания «Гамлета» Шекспиру пришлось испытать много тяжелых впечатлений. В 1601 году умер в Стратфорде его отец, к которому он был нежно привязан. Одновременно с этим он лишился своего всегдашнего друга и покровителя Саутгемптона. Постигло также его и жестокое сердечное крушение: женщина, которую он горячо любил и идеализировал, оказалась вероломной, бессердечной и безнравственной. Не веселы были и его впечатления от придворной жизни, в соприкосновение с которой ему приходилось входить: низкопоклонными льстецами и двоедушными лицемерами кишел блестящий двор Елизаветы. Наконец, и положение актера, очень невысокое в тогдашнем обществе, не могло не тяготить впечатлительную душу Шекспира.

Кто же мог лучше Шекспира понять и изобразить сыновнее горе Гамлета, его страдание от вероломства друзей, его разочарование в женщине, его негодование на низость и безнравственность привилегированной среды, его убеждение в высоте искусства?

В негодовании Гамлета на испорченное время, которое «вышло из своей колеи», в его бичеваниях лицемерия и безнравственности, в его сарказмах и в его разочаровании слышится голос самого Шекспира.

Субъективность «Гамлета» подтверждается и тем, что Шекспир дал в этой пьесе почетное место драматическому искусству и его слушателям. Устами Гамлета Шекспир мастерски определяет задачу театра: «Цель его всегда была <...> быть правдивым отражением природы: отразить добродетель с присущими ей чертами, и порок с его обликом, и наше время с его особенностями и характером» (III, 2) — и делает бесценные указания о приемах сценического исполнения, в основе которого должны лежать простота, естественность и умеренность.

«Гамлет» отразил в себе тот период в духовном развитии Шекспира, когда он сам переживал нравственный кризис, разделял пессимистическое настроение своего героя и вместе с ним плакал горькими слезами над несовершенствами человеческой жизни, задыхался в атмосфере лжи и порока и мучительно искал выхода из этого ужасного положения. Пессимистический взгляд на жизнь преобладает и в других трагедиях Шекспира, близких по времени происхождения к «Гамлету»: таковы «Лир», «Макбет», «Мера за меру», «Тимон Афинский».

V

Прежде чем судить о действиях Гамлета, нужно уяснить себе его личность, так как его поступки обуславливаются его характером.

В Гамлете Шекспир изобразил чрезвычайно богатую и разностороннюю натуру с чертами не только талантливости, но и гениальности. Блестящие качества его философского ума, поражающего глубиной мысли и широтой взгляда, удивительная тонкость нравственного чувства, отличающая избранные натуры, богатая фантазия — все это ставит его высоко над средним уровнем людей. С широкими умственными интересами, со склонностью к искусству и любовью к театру он соединяет внешний блеск утонченной культуры:

...рыцарь, дивный
Оратор, цвет, надежда государства,
Образчик мод, предмет всех подражаний (III, 1).

Эпоха Возрождения с ее идеалом всесторонней человечности наложила на него свою печать: он представляет образец широкого и глубокого развития индивидуальности. Сын жизнерадостной эпохи, он смотрит на мир глазами восторженного идеалиста. Земля — «божественное создание», небо — «величественный купол, сверкающий золотым огнем», но особенное удивление вызывает в нем человек: «Какое чудесное создание человек! Как благороден разумом, безграничен талантом, прекрасен внешностью, как гибок в своих движениях! По своим поступкам он напоминает ангела, по творчеству — Бога. Краса мира! Совершенство всех созданий!» (II, 2)

Он любил жизнь, верил в людей и в собственном отце видел идеал истинного человека. В свою очередь и он был «народом так любим» (IV, 3), и народ смотрел на него, как на «цвет и надежду государства» (III, 1).

Итак, у Гамлета соединились все данные, чтобы быть счастливым. И таким он, несомненно, был ранее, чем мы знакомимся с ним в драме, когда он уже «потерял всю свою веселость».

В безысходное горе, первое в его счастливой жизни, повергли Гамлета загадочная смерть боготворимого отца и слишком поспешный брак матери, променявшей своего первого мужа-героя на жалкого «короля из лоскутков и тряпок».

Гамлет обладает натурой страстной и пылкой, быстро реагирующей на впечатления внешнего мира. Быстрая восприимчивость и глубокая впечатлительность — его основные индивидуальные черты. Вот почему обрушившееся на него горе ложится таким невыносимым бременем на его душу, отдавая ее во власть горького и безотрадного разочарования. И это разочарование тем глубже, чем сильнее было предыдущее очарование жизнью и светом. Как натура крайне впечатлительная и пылкая, склонная всецело отдаваться определенному настроению, Гамлет от неумеренных восторгов не знающего жизни идеалиста круто поворачивает, при первом столкновении с жизнью, в сторону неумеренного разочарования, беспощадно осуждающего «презренный мир». Теперь земля кажется ему «бесплодной скалою», небо — «гнилым, заразительным скопищем паров», а человек, вызывавший такие его восторги, только «квинтэссенцией мучора».

Весь этот душевный процесс достигает высшего напряжения, когда открытие Духа рисует все случившееся в несравненно

более мрачном свете, чем Гамлет предполагал, когда раскрыта тайна возмутительного преступления, когда завеса, скрывавшая весь ужас действительности, спала окончательно с глаз несчастного принца. Теперь уже он отдается всецело во власть пессимистического настроения.

Пессимизм Гамлета есть именно только настроение, вызванное разочарованием в идеалах, а отнюдь не продуманная и приведенная в стройный логический порядок философская система. Пессимизм его коренится в оскорбленном чувстве, а не в отвлеченной мысли. Поэтому было бы большою ошибкою считать Гамлета представителем пессимистического мирозерцания и сопоставлять его с Шопенгауэром.

Еще рискованнее сближать Гамлета с Мефистофелем, этим воплощением холодного отрицания и безотрадного скептицизма. Дух анализа, острота ума, ловкое владение иронией и сарказмом присущи им обоим — это правда. Но здесь сходство и кончается. Злорадствующий хохот Мефистофеля не имеет ничего общего с негодующим обличением Гамлета, в смехе которого слышится не ненависть, а любовь к человеку. Его смех — смех разочарованного идеалиста, и негодующего на людей, и страдающего за них. «Незримые слезы» таятся под покровом этого видимого смеха. Может ли Мефистофель скорбеть о печальной участи человека на земле? Может ли он оплакивать господство зла? Но все это делает Гамлет.

Некоторые проявления скептицизма также не дают права считать Гамлета представителем философской системы скептицизма. Гамлет постоянно колеблется между верою и безверием, между твердым убеждением и сомнением. Все зависит от его настроения: он то сомневается в бессмертии души, как видно из монолога «Быть или не быть», то верит в это бессмертие. Так друзьям, предостерегающим его от следования за призраком, он говорит: «А что душе моей он сделать может, Когда она бессмертна, как он сам!»

Закон судьи земли и неба против греха самоубийства удерживает его руку, когда он хочет покончить с собою, а в конце пьесы он выражает убеждение, что «воробей и тот не погибнет без воли Провидения» (V, 2).

Сравнивая Дон Кихота с Гамлетом, Тургенев считал первого представителем «центробежной силы альтруизма», а второго — «центростремительной силы эгоизма».

Тургенев взглянул на эти два типа с философской точки зрения, не как на живые лица, а как на воплощение двух противоположных, взаимно исключающих друг друга идей. Как контраст Дон Кихоту, Гамлет и явился у него воплощением эгоизма.

Но к лицу ли эгоисту роль печальника за несовершенство жизни, роль реформатора, «вышедшего из колеи времени» в интересах нравственности и справедливости? Мог ли человек «без сердца и без любви» быть столь пораженным смертью отца, так мучительно скорбеть о нравственном падении матери? Будь Гамлет сухим эгоистом, трудно было бы объяснить любовь народа к нему, о которой свидетельствует дважды злейший враг его, Клавдий, трудно было бы объяснить также ту симпатию, которую его образ вызывает у всякого непредубежденного читателя.

При всей высоте и при всем благородстве своей природы Гамлет не лишен некоторых недостатков, о которых он откровенно говорит Офелии, намеренно сгущая краски: «Я сам довольно честный человек, а и я мог бы себя упрекнуть в таких вещах, что лучше было бы моей матери не родить меня. Я очень горд, мстителен, честолюбив» (III, 1). Он казнит себя за то уже, что замечает в себе склонность к этим порокам. Может ли он отрицать задатки мстительности в своем сердце, когда он весь пламенеет жаждою мщения коронованному преступнику? Может ли он утверждать, что он совершенно не причастен честолюбию, когда лишение престола переносится им далеко не равнодушно? Наконец, если бы в нем не было ничуть гордости, от него не веяло бы таким сознанием своего превосходства над окружающими.

Конечно, Гамлет не воплощенная добродетель. Верный своему принципу «вольного и широкого изображения характеров», по выражению Пушкина, — Шекспир распределил свет и тени в характере Гамлета, не думая скрывать его недостатков. Их нужно признать, но их не следует преувеличивать. Гамлет живой человек, а не манекен добродетели.

VI

Медлительный образ действий Гамлета часто объясняют природной дряблостью его природы. Но еще Белинский доказал всю ошибочность такого взгляда: «От природы Гамлет человек сильный: его желчная ирония, его мгновенные вспышки, его

страстные выходки в разговоре с матерью и нескрываемая ненависть к дяде — все это свидетельствует об энергии и великости души». Сам Шекспир постарался показать в трагедии, что Гамлет умеет при случае действовать быстро, решительно и сильно. При появлении призрака, когда у его товарищей кровь стынет в жилах от ужаса, когда даже стойкий и владеющий собою «древний римлянин» Горацио боязливо удерживает его, один Гамлет бесстрашно следует за призраком.

Смело и даже вызывающе ведет себя Гамлет с Клавдием, преследуя его колкостями и намеками, бесстрашно изобличая его представлением пьесы пред лицом всего двора. Пощадив молящегося короля, Гамлет вслед за тем, не колеблясь ни минуты, наносит смертельный удар Полонию в полном убеждении, что за занавеской спрятался Клавдий. Большую энергию и находчивость проявляет Гамлет во время пути в Англию, спасаясь от смертельной опасности, которая ему готовилась, а в схватке с пиратами с безумной отвагой вскакивает на борт корабля противника. Наконец, в минуту смерти Гамлет выказывает замечательное присутствие духа и почти стоическое спокойствие.

Будь Гамлет слабою и вялою натурою, то подобный характер представлял бы мало интереса с драматической точки зрения и не годился бы в герои трагедии. Сознывая это, Шекспир наделил Гамлета и пылкостью темперамента, и личной отвагой, и силой духа — как раз теми качествами, которые нужны для того, чтобы действовать. Но вместе с тем он одарил также своего героя глубоким умом философского склада, мирозерцанием прямолинейного, не знающего компромиссов идеалиста и, наконец, по удачному выражению Гончарова, «гибельным избытком сердца».

Вследствие особенностей своего умственного и нравственного склада Гамлет слишком расширяет и осложняет выпавшую на его долю задачу. Тень его отца требует простого мщения, а Гамлет, не довольствуясь ролью мстителя, считает себя призванным выступить целителем всех зол Дании, реформатором безнравственной эпохи, как видно из его слов в конце I акта: «Расстроен мир... Проклятый жребий жизни — Зачем свершить я должен этот подвиг!»

Ему приходится действовать в эпоху нравственного разложения. Атмосфера лжи, лицемерия, низкопоклонства и грубой чувственности окружает его. Один только Горацио смягчает

положение его полнейшего одиночества. Мстить за отца приходится близкому по узам родства человеку, женатому на матери мстителя, и притом мстить так, чтобы честь матери не была затронута. Противниками он имеет людей бессовестных, вероломных, не брезгающих никакими средствами, как бы низки они ни были, живущих, как рыба в воде, в той атмосфере зла, которая так удручает его самого, как идеалиста и правдолюбца. Возможно ли было его благородной натуре, мучительно страдавшей от всякого проявления житейской грязи и людской извращенности, потягаться с закоренелым преступником Клавдием? Удивительно ли, что Гамлет хотя и совершает мщение, но падает и сам жертвою бессовестности своих врагов?

Гамлет сделался навсегда высокохудожественным и универсальным типом благороднейшего идеалиста, входящего в столкновение с суровой действительностью и изнывающего в тяжелой борьбе против несовершенств жизни, разбившей все его лучшие верования и идеалы. Вот почему его разочарование, его сомнения и колебания, его душевный разлад говорят так много и так красноречиво всякому современному человеку, который, не замыкаясь в эгоистичном круге личных интересов, принимает горячо к сердцу интересы общественные, идеалы добра и справедливости.

М. Н. Розанов

ГАМЛЕТ, ПРИНЦ ДАТСКИЙ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ АКТАХ

Действующие лица

Клавдий, король Дании.
Гамлет, сын покойного короля, племянник царствующего.
Полоний, придворный сановник.
Горацио, друг Гамлета.
Лаэрт, сын Полония.
Вольтиманд
Корнелиус
Розенкранц
Гильденстерн } придворные.
Осрик
Священник
Марцелл
Бернардо } офицеры.
Франциско, солдат.
Рейнальдо, слуга Полония.
Комедианты.
Два шута — могильщики.
Фортинбрас, норвежский принц.
Капитан.
Английские послы.
Гертруда, королева Дании, мать Гамлета.
Офелия, дочь Полония.
Придворные, дамы, офицеры, солдаты, моряки, послы и другие служащие.
Дух отца Гамлета.

Место действия — Дания.

АКТ I

СЦЕНА 1

Эльсинор. Площадка перед замком.
Франциско на страже. Бернардо входит.

Бернардо
Кто там?

Франциско
Стой! Кто идет? Откликнись!

Бернардо
Да здравствует король!

Франциско
Бернардо?

Бернардо
Он!

Франциско
Как раз вы вовремя сюда пришли.

Бернардо
Уж полночь било: можешь спать, Франциско.

Франциско
Благодарю за смену. Холод жгучий,
И жутко на душе.

Бернардо
Спокойно
Всё в карауле?

Франциско
Мышь не пробежала.

Бернардо
Покойной ночи. Если встретишь ты
Горацио с Марцеллом, — в карауле
Они со мной, — пусть поспешат сюда.

Франциско
Они, должно быть. Стой! Кто идет?

Входят Горацио и Марцелл.

Горацио
Друзья отчизны.

Марцелл
Слуги короля.

Франциско
Прощайте!

Марцелл
До свиданья, храбрый воин!
А кто сменил тебя?

Франциско
Черед Бернардо.
Покойной ночи!

Уходит.

Марцелл
Эй, Бернардо!

Бернардо
Ты,
Горацио, пришел?

Горацио
Я за него.

Бернардо
Горацио, здорово! Друг Марцелл,
Здорово!

Марцелл
Что ж, оно являлось нынче?

Бернардо
Я ничего не видел.

Марцелл
Горацио не верит: дважды нам
Являвшуюся тень считает он
Больной фантазией, не больше. Я

Уговорил его придти сегодня
В наш караул. И если призрак вновь
Появится, пусть он его увидит
И с ним попробует заговорить.

Горацио
Всё вздор: он не придет!

Бернардо
Присядь-ка здесь.
Не веришь ты, но вновь я расскажу
О том, чему подряд две ночи мы
Свидетелями были.

Горацио
Я сию, —
Бернардо повествует мне о духе.

Бернардо
Минувшей ночью...
Вот та звезда на запад от Полярной
Когда сияла там, где и теперь
Сияет, только что пробило час,
Я и Марцелл...

Входит Дух.

Марцелл
Тс! Замолчи! Опять явился он.

Бернардо
По облику — покойный наш король.

Марцелл
Ведь ты ученый, — так заговори с ним.

Бернардо
Горацио, — ведь схож он с королем?

Горацио
Ужасно схож. Смущен я и взволнован.

Бернардо
Он ждет от нас вопросов.

Марцелл

Говори,

Горацио.

Горацио

Кто ты, — в полночный час
Привыший короля чудесный облик,
В воинственно-прекрасном облаченье?
Ответь, тебя я заклинаю небом!

Марцелл

Он оскорбился!

Бернардо

Посмотри, уходит!

Горацио

Стой, говори! о, говори, молю я!

Дух уходит.

Марцелл

Исчез... Не хочет отвечать.

Бернардо

Ты бледен, ты дрожишь? Ведь это все,
Горацио, побольше, чем игра
Воображения. Что скажешь?

Горацио

Клянусь, я не поверил бы рассказу,
Когда б не видел все теперь своими
Глазами.

Марцелл

Что, не схож он с королем?

Горацио

Как ты с самим собой!
На нем доспехи те, в которых он
Когда-то бился с королем норвежским;
Тот грозный вид, с каким швырнул на лед
Владыку стран полярных, с ним заспорив...
Все это странно...

Содержание

<i>М. Н. Розанов. Гамлет</i>	3
Гамлет, принц Датский	16
<i>Комментарии</i>	183